

- ва, революционеры «на деле возрождения славян» стремились помочь политическому воспитанию самого русского общества (*Нарочницкая Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1978. С. 44).
- ⁸ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886). Известный славянофил, писатель, публицист, редактор газет «День», «Русь», «Москва» и журнала «Русская беседа».
- ⁹ *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 5–6.
- ¹¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70.
- ¹² На имя гр. Н.П. Игнатъева поступила анонимная записка, в которой перечислялись причины распада Турецкого султаната: «1) в Турции нет уже никакой администрации, несколько коллективов чиновников, которые сменяются почти ежемесячно; 2) в Турции нет уже никаких общественных сил, кроме обнищавших чиновников, и омусульманившаяся часть населения; 3) мусульманское население Малой Азии обременено непосильными налогами и истощившееся до нельзя непосильными рекрутскими наборами; 4) турецкие финансы, как известно, кончаются сами собою» (ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 710. Л. 1-1об.)
- ¹³ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70–71.
- ¹⁴ *Матюшкин А.* Парадокс Достоевского о войне. [Электронный ресурс]. URL: // http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/paradox_dost.htm
- ¹⁵ В своем «Дневнике» за апрель 1877 г. писатель отмечал: «... нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не только мертвящая болтовня как прежде, – да что как прежде: как до сих пор, господа!» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 104).
- ¹⁶ Там же. С. 103.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ См.: *Цимбаев Н.И.* Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982; *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах...
- ¹⁹ Цит по.: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 183.
- ²⁰ См.: *Преображенский И.В.* За братьев славян. СПб., 1903. С. 3.
- ²¹ См.: Юбилей народной войны // Новое время. №9377.
- ²² <http://www.gusk.ru>
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 158.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 19.
- ²⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя С. 107–108.
- ²⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 99, 100.
- ²⁹ Там же. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 81.
- ³¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 112–113.
- ³² Там же. С. 113.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912). Граф, генерал-адъютант, военный министр (1861–1881), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета.
- ³⁶ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58.
- ³⁷ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908). Граф, генерал-адъютант, посол в Турции (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), член Государственного совета.
- ³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 562.
- ³⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883). Князь, советник посольства в Вене (1883–1838), посланник в Штутгарте (1841–1850), государственный канцлер.

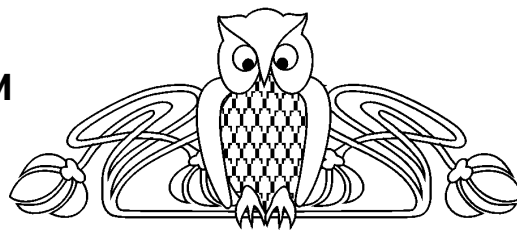
УДК 94(47).083

СЛУХИ О ЦАРСКОЙ ИЗМЕНЕ В КОНТЕКСТЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОРНОГРАФИИ» РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния слухов о царской измене и речи П.Н. Милюкова от 1 ноября 1916 г. на формирование негативного общественного мнения по отношению к царствующим особам. На основе анализа различных источников сделан вывод о том, что распространявшиеся в годы Первой мировой войны слухи о царской измене, как элемент «политической порнографии», и речь депутата Милюкова, наряду с другими объективными и субъективными факторами, сыграли роковую роль в десакрализации царской власти и падении русской монархии.

Ключевые слова: слухи, царская измена, речь П.Н. Милюкова, десакрализация власти, Николай II, Александра Федоровна.

Rumors about the Royal Treason in the Context of «Political Pornography» Russia on the Eve of the February Revolution

Yu.V. Varfolomeev

The paper addresses the problem of the influence of rumors about the royal treason and speech P.N. Milyukova November 1, 1916 on the

formation of negative public opinion against the rulers. Based on the analysis of various sources has concluded that were distributed during the First World War, rumors of royal treachery, as part of a «political pornography», and speech Milyukova, along with other objective and subjective factors played a fatal role in the desecration of the royal power and the fall of the Russian monarchy.

Key words: rumors, royal treason, speech P.N. Milyukov, desecralisation of power, Nicholas II, Alexandra.

Термин «политическая порнография» связан с французской революцией конца XVIII в. и впервые был введен в отечественную историографию Б.И. Колоницким¹. Речь идет, прежде всего, о проблеме десакрализации царской власти, что явилось одной из главных причин падения монархии в России. «Духовный распад в кругах высшей власти (“распутинщина”), решение государственных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневых сил на назначение высших должностных лиц – все это вызывало отвращение в широких кругах, – отмечает С.Г. Кара-Мурза. – Это отвращение, к которому нечувствительна демократия, было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие *благодати*»².

Российский сюжет десакрализации власти и крушения монархии очень напоминает те процессы, которые происходили во Франции в конце XVIII в. Обреченный король Людовик XVI предстает там как «неспособный, манипулируемый, слабовольный, подкаблучник, импотент». Российское де-жа-вю: Николай II «предает Россию, продает ее Германии». Это образ активного царя и связан с его сексуальной распущенностью: у него разные любовницы, роман с фрейлиной А.А. Вырубовой и т.п. «Еще один образ Николая Второго, – выявленный в ходе исследования Колоницким, – пассивный. Это слабовольный, слабохарактерный пьяница. Жертва жены и Распутина, которые над ним издеваются, а он только пьет. В некоторых случаях он предстает как безвольный персонаж, отравленный порошками Бадмаева, и им манипулируют как хотят»³.

Королева Франции Мария Антуанетта – «иностранка, распущенная, коррумпированная шпионка», а вот аналогичные обвинения, но уже в российской интерпретации: императрица Александра Федоровна – «гессенская муха»⁴ (вредительница), предательница и шпионка («в Царскосельском дворце находится тайная радиотрансляционная станция»), спекулянтка («является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию»), диверсантка, готовит заговор против Николая II и т.п.⁵ При этом весьма показательны то, что и другой женский персонаж слухов – вдовствующая императрица Мария Федоровна – фигурирует в них в том же самом амплуа, что и её царствующая сноха. При упоминании Марии Федоровны подчеркивается её иностранное происхождение, но не как датчанки, а как «немки», и,

конечно, сочувствующей врагу. Отсюда – обвинения в её содействии противнику (контрабандная поставка продовольствия, шпионаж). Часто в слухах она предстает и как развратница. И, наконец, вдовствующую императрицу, так же как и Александру Федоровну, обвиняют в заговоре с целью лишения власти Николая II⁶.

Очень точным индикатором восприятия слухов, а затем и их публичной ретрансляции являются дела по оскорблению членов императорской фамилии. Этот вид преступлений обращает на себя внимание экстраординарностью и несвойственностью для российской патриархальной ментальности. Если учитывать исконные верноподданнические чувства народных масс к «царю-батюшке» и веру в незыблемость освященной самодержавной власти, то можно представить, какие глубокие, кардинальные изменения произошли в миропонимании и психологии русских людей и, прежде всего, крестьянства, если в их среде стала обычным явлением хула на царствующих особ. В связи с этим Б.И. Колоницкий считает, что была «... некая фольклорная традиция оскорбления императорской семьи, она была достаточно развита, и люди реагировали на какие-то события в соответствии с традицией»⁷.

Безусловно, решающую роль в разрушении сакрализации образа «царя-батюшки» сыграла, конечно, антиправительственная агитация революционеров, легко усваиваемая в тяжелое время на почве лишений и невзгод, вызванных, в том числе непонятной войной и неудачами на фронте. Наглядной иллюстрацией деструкции традиционных моделей сознания может служить своеобразный «синевский синдром». В 1905 г. в бедной деревне Малиновке Сердобского уезда демобилизованный солдат Синев начал «войну» с местным попом за «культурное просвещение в деревне, а царя называл кровопийцем»⁸. Подстрекательская революционная деятельность деревенского вождя увенчалась организацией нападения на имение помещика, а также поджогом дома священника.

Деморализованному и разложившемуся в маньчжурских окопах позорной войны солдату, напиiskanному социал-революционными и большевистскими штампами казарменных агитаторов, удалось то, чего не смогли сделать культурные и образованные интеллигенты-народники своим «хождением в народ» – подорвать веру в царя, растоптать престиж местного попа и довести ненависть к своему помещику до последней черты. Язвы Русско-японской войны способствовали воспитанию солдата Синева в революционном духе, а уже через него агрессивные, радикальные идеи проникают в деревню, разрушают патриархальные традиции, подтачивая вековые устои православия и самодержавия. Так что всплеск таких преступлений, как оскорбление царя, являлось прямым свидетельством изменений, происходивших в то время в сознании людей.

Еще более грубым оскорблением и едким насмешкам подвергся Николай II в годы Первой мировой войны. Несмотря на ура-патриотическую карикатуризацию Вильгельма II, рейтинг русского императора по сравнению с ним был крайне невысок. На фоне воинственного и победоносного кайзера враждебной державы Николай II изображался как «царь-дурак», «царь-пробка» и «царь-баба». Немецкая пропаганда намеренно и нагло противопоставляла русскому императору Вильгельма II: «Наш царь умный, а вы – дураки, и царь ваш дурак». «Но, как ни странно, – отмечает Колоницкий, – и у русских крестьян и казаков был точно такой же аргумент: царь не выполняет свои профессиональные обязанности»⁹. Русскому царю противопоставлялся деловитый и удачливый Вильгельм II: «Немецкий-то царь 40 лет к войне готовился, снаряды делал да пушки отливал, а наш-то дурак только водку продавал и театры открывал» (совершенно бесполезное дело). Или: «а наш-то пробочник только водку гнал да школы открывал»¹⁰.

При этом Б.И. Колоницкий приходит к парадоксальному выводу о том, что «...дела об оскорблении императорской семьи свидетельствуют о совершенно обратном – о сохранении монархического сознания, – считает он. – Очень часто оскорбляя одних членов императорской семьи, они противопоставляли им совершенно других, “хороших” членов императорской семьи»¹¹. Это можно представить в виде следующей схемы: «плохой царь – хороший Николай Николаевич, плохой Николай Николаевич – хороший царь, плохая мать царя – хорошая императрица, хорошая императрица – плохая мать царя и т.д.». При этом к царю была, по сути, одна, но очень серьезная претензия – он не выполняет свои монаршие обязанности, так как он «подмененный» царь и даже «самозванец».

Во взглядах на природу происхождения и каналы распространения слухов существует несколько различных мнений. Весьма общеизвестной является точка зрения, что слухи поступали «сверху вниз»: их генерировали образованные социальные верхи, а затем слухи, меняясь местами, воспринимались уже «массами», «народом». Вместе с тем очевидно, что наивные мифологемы «подмененного» царя, «самозванца» рождались и в «низах» русского общества, а затем уже курсировали «наверх». Кроме того, нельзя не принимать во внимание и то, что в годы войны Германия использовала различные каналы и способы генерирования и распространения подстрекательских, провокационных, возбуждающих слухов в отношении правящей элиты России.

Слухи об измене в высших эшелонах власти курсировали в различных слоях общества на протяжении нескольких лет. Однако А.Я. Аврех справедливо указал на то, что «Слухи об “измене” стали широко муссироваться по стране, начиная с момента галицийского разгрома и отступления

весной и летом 1915 г. Здесь мы наблюдаем два параллельных, а иногда и перекрещивающихся потока слухов: в “низах” – в обывательской массе и в “верхах” – в помещичье-буржуазных и даже придворных кругах»¹².

Вместе с тем, как считает Б.И. Колоницкий, очень часто встречающиеся в литературе противопоставления развитой культуры верхов и примитивной культуры низов не соответствуют действительности: «Изучение слухов о Марии Федоровне позволяет предположить, что механизм распространения слухов был более сложным, некоторые слухи “возникли”, по-видимому, в народной среде, имели фольклорные источники»¹³. Действительно, не настолько глубоки были различия между слухами «народными» и «интеллигентскими», циркулировавшими в «низах» и «верхах» русского общества.

Отражением взглядов «верхов» на существование измены в правительстве можно считать позицию официального органа кадетской партии газеты «Речь». «Слава богу, – отмечалось в ее передовой статье сразу после победы Февральской революции, – мы все – и многие из нас по собственному опыту – знаем, что между русской и германской реакцией всегда существовал теснейший союз, своего рода договор взаимного страхования от революции, и что этот договор не был разорван и после возникновения войны. Слава богу, мы еще помним, как горячо приветствовали в Германии Штюрмера и Щегловитова, Маклакова и Протопопова и какое место в германских планах играла “придворная партия”, группировавшаяся вокруг молодой царицы»¹⁴. В качестве причины и характера слухов «низов» Аврех назвал традиционный в таких случаях мотив – «темная, неосведомленная мысль всегда ищет объяснения, идя по линии наименьшего сопротивления»¹⁵.

Одним из центральных эпизодов в расследовании Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) «царской измены» и шпионажа стал допрос автора скандально знаменитой думской речи лидера кадетов П.Н. Милюкова, послужившей, по сути, сигналом к решающему штурму власти. Лидер кадетов недвусмысленно обвинил власти в «глупости или измене». Сделать выбор он предоставил коллегам. В итоге большинство депутатов поверили в последнее – «измену» Верховной власти, причем «...даже там, где сам я не был в нем вполне уверен»¹⁶, – признался спустя несколько лет автор сенсационных «разоблачений».

Настроение воспаленной подозрительности, зародившись в стенах Таврического дворца, очень скоро передалось всему обществу. «Здесь все потрясены разоблачениями в Государственной думе, – говорилось в письме с подписью “Борис” из Петрограда в Киев К.А. Фармаковской 3 ноября 1916 г. – “У нас чудовищная измена”, – вот что остается от рассказов, которые слышишь от бывших на заседании Думы. Как же воевать, стараться, проливать кровь, когда все делается

«для виду», «так, чтобы не победить», «так как сепаратный мир невозможен»¹⁷. Даже после Февральской революции, когда монархия прекратила свое существование, подозрения о «чудовищной измене» не развеялись, и когда возник вопрос: «А кого, собственно, мы победили?» в феврале 1917-го, то были варианты: победа над бюрократией, патриотическая победа – «Мы победили немца внутреннего, чтобы победить внешнего». «Для многих это была патриотическая, антинемецкая, может быть даже шовинистическая революция, – считает Б.И. Колоницкий. – Когда рабочие уходили с оборонных заводов, инженеры им кричали: “Что ж вы делаете, ребята? Война идет!”. А они отвечали: “Ну и что, царица сама шпионка”»¹⁸.

Однако не все поддались настроениям измения фобии и шпиономании, трезво оценивая ситуацию в стране и речь известного политика. А.И. Савенко был «решительно не согласен» с линией поведения, усвоенной левым крылом Прогрессивного блока, и «уже выступил против тех, кто тянет блок на дно». «Одно – политическая борьба, а другое – хулиганство. К сожалению, наши парламентарии, опирающиеся на улицу, совершенно не обладают чувством меры», – писал 10 ноября 1916 г. в Киев Н.К. Савенко. А 15 ноября в письме тому же адресату Савенко так откликнулся на речь поддержавшего Милюкова В.В. Шульгина: «Мой девиз: “помни о войне” и “не зарываться”». К сожалению, Шульгин сильно подпал под влияние Милюкова и зарывается. А может быть, просто ведет свою линию по карьеристским соображениям»¹⁹.

Выступление, или, как его назвал Савенко, «хулиганство» лидера кадетов, больно задело одного из университетских учителей и коллег Милюкова. Оценивая думский расклад в свете последних событий, известный московский историк, «октябрист» и член Государственного совета В.И. Герье делился своими мыслями с А.Н. Куломзиным в письме от 16 ноября: «Прежде, по крайней мере, можно было указывать на октябристов как на людей, понимающих потребности переживаемого нами исторического момента. Теперь все забрали в руки милюковские кадеты, не понимающие и не желающие понять сути нашего политического законодательства. Они воображают, что депутаты призваны к участию в самом правительстве... Но что простительно Чхеидзе и ему подобным, то непροститительно дипломированному нахалу. Это свойство его мне известно с его студенческой скамьи»²⁰, – писал о Милюкове преподававший ему в университете медиевист Герье.

Вместе с тем депутат, заслуживший эпитеты «хулигана» и «дипломированного нахала», получил целый ряд одобрительных откликов. «Совесть» и почетный председатель кадетской партии, издатель газеты «Речь» И.И. Петрункевич был очень доволен милюковской речью и реакцией на нее Думы. «И кто бы мог подумать,

что четвертая Дума проявит столько политического смысла, – писал он из Кореиза в Петроград В.И. Вернадскому 18 ноября 1916 г. – Мне всегда казалось, что П.Н. Милюков в ряду своих талантов и способностей не обладает одной – способностью организации. Он дал блестящее опровержение этому, ибо ему удалось соединить несоединимое». На следующий день в письме Ф.И. Родичеву, считавшему, что Милюков один обладает верой в победу и волей к ней, он доказывал, что Милюков «пробуждает, превращает в динамическое состояние и веру, и волю в других»²¹.

«Динамическое состояние», в которое привел общество Милюков своей речью, разразилось в итоге Февральским переворотом, а спустя несколько месяцев после этого лидеру кадетов пришлось уже перед лицом ЧСК давать пояснения по поводу своего эмоционально-популистского заявления. Только теперь в показаниях следственной комиссии он должен был разъяснить и подтвердить свои обвинения, выраженные формулой «трусость или измена», достоверными фактами, а не слухами или домыслами.

Прежде всего Милюков сообщил комиссии о стране происхождения подобных слухов. «Когда я приехал в Швейцарию, – вспоминал он, – то там было общее мнение тогдашней эмиграции, что русское правительство через своих агентов ведет переговоры с Германией. Это считалось общепризнанным»²². Когда же он стал доискиваться фактов и конкретных данных по этому вопросу, то ему дали определенную информацию, большая часть которой затем была включена в его речь.

Во-первых, эмигранты указали на германофильские салоны в Швейцарии и, прежде всего, на салон Е.К. Нарышкиной, «перетащенный из Италии». «Туда специально приезжал чиновник, присланный Штюрмером, – уточнял Милюков, – он, очевидно, наблюдал, вроде Ратаева, и другое лицо (не помню его фамилии, кажется, она названа в моей речи), специально посланное для сношений и бывшее в этом салоне постоянным посетителем. Все это вызвало большие подозрения со стороны эмигрантов»²³. Вместе с тем Милюков уточнил, что для него «в дальнейшем выяснилась невинность этой дамы (Нарышкиной. – Ю.В.), но все, что сообщалось за границей о ней, особенно относительно ее поездки туда, приуроченной ко времени этих переговоров, было подозрительно. Она – родственница жены Извольского, останавливалась у него в посольстве, чем его шокировала, жила довольно долго и демонстрировала и там свои германофильские симпатии»²⁴.

Во-вторых, Милюков получил записки некоего Августа Рея²⁵, адресованные лично ему, как председателю партии народной свободы. В одной из этих записок содержались сведения о том, что посол России во Франции А.П. Извольский принимает участие в переговорах с германцами и что эти переговоры ведутся через банковские структуры. Причем указывались случаи сношений агентов

Извольского с банками. Это последнее заявление Рея показалось Милюкову очень подозрительным, и когда он вернулся в Париж, то первым делом попытался прояснить эту ситуацию у Извольского. Посол связался с премьер-министром А. Брианом, который сообщил ему, что «Рей значитесь на фишке, как человек подозрительный, как агент, но агент особого типа, квалифицированный, не платный, не наемный. Относительно банков он сказал, что, правда, были сношения с банками, но по вопросу о займе или по финансовому вопросу, который, по поручению министра финансов, надо было провентилировать за границей»²⁶.

Между тем к Извольскому в Париже сложилось довольно враждебное отношение, отчасти из-за его угловатости в личных отношениях, но в особенности потому, что его жена-баронесса была остзейского происхождения. «Все это казалось демонстративным, особенно для чувствительных французов, – пояснял Милюков. – Может быть, обороты речи, которые для нас прошли бы незаметно, обращали на себя их внимание, и указывалось, что в русском посольстве германофильское гнездо»²⁷.

Эти обстоятельства, а также сведения в иностранных газетах о неприглядном закулисном назначении Штюрмера и его связях с «темными силами» послужили канвой для речи Милюкова 1 ноября 1916 г., а также способствовали формированию у него собственного взгляда на проблему измены и шпиона в высших кругах русского общества. Для лидера кадетов с самого начала показалось подозрительным то, что новый глава правительства приблизил к себе проходимца из лагеря «темных сил» И.Ф. Манасевича-Мануйлова, и он решил, что «тут дело не чисто». Еще больше укрепило депутата в мыслях, что здесь есть что-то таинственное в способе сношений с германцами, – это прошлое Манасевича-Мануйлова, о котором ему сообщил Извольский²⁸.

ЧСК прежде всего заинтересовал вопрос о том, откуда почерпнул сведения Милюков для свой речи относительно измены царицы. «Самое сильное место, об Александре Федоровне и об ее связи с этим кругом, я взял из германской газеты»²⁹, – засвидетельствовал Милюков. – Я воспользовался этим, во-первых, как способом, чтобы сказать это в наиболее удобной форме в Государственной Думе, а во-вторых, чтобы показать, что за границей уже имеются эти сведения»³⁰. После скандальной речи Милюкова состоялось заседание Совета министров, на котором Штюрмер решительно выступил с требованием отсрочки Государственной Думы, т.е. перерыва ее занятий. Поддержки он не встретил, большинство министров высказалось против этого, и единственное, что ему удалось добиться по вопросу преследования депутата, так это санкции выдвинуть обвинение Милюкову в клевете не от имени правительства, а лично от него – Штюрмера.

В обстановке антисамодержавного настроения и обвинений царской четы в симпатиях к Германии

и даже в измене ЧСК должна была ответить на этот злободневный вопрос: так ли это на самом деле? Допросы видных политиков, отнюдь не благосклонных к бывшему правителю, сразу же опровергли слухи в царской измене. Даже автор «разоблачительной» речи П.Н. Милюков в своих показаниях признал, что в ответ на германские попытки найти точку соприкосновения и повлиять на русскую дипломатию «царь реагировал определенно отрицательно, но обстановка кругом него была очень подозрительная...»³¹.

В марте 1917 г., в самом начале своей работы, ЧСК была направлена по ложному следу. Подобная ситуация возникла в связи со скандальной публикацией озаглавленной «Загадочная переписка Алисы Гессенской с ее друзьями» в газете «Российская республика». В сенсационной статье приводились тексты телеграмм бывшей императрицы и некоего Арнольда Розенталя с мая по октябрь 1916 г. Эти телеграммы, по мнению газеты, давали основание обвинить царицу «в шпионстве в пользу Германии». «Аляповатость подделки, – свидетельствует С.В. Завадский, – бросалась в глаза, но Муравьев так и взвился»³². Достойна восхищения «прозорливость» сенатора. Правда, обнаружил он «аляповатость подделки» как и все члены Комиссии только после тщательно проведенной по этой публикации проверки следователем Г.П. Гирчичем. Особое предварительное следствие по этому вопросу было вызвано тем, что ЧСК никак не могла проигнорировать скандальное газетное сообщение. В результате чего выяснилось, что все тексты сочинила и передала репортеру служащая петроградской цензуры за обещание газетчика презентовать ей торт, если она даст ему какой-нибудь сенсационный материал.

Слухи о германофильстве императрицы-немки и ее измене упорно циркулировали в российском обществе с самого начала войны. Но ответа на вопрос, – так ли это, на самом деле, – ждали от ЧСК. Поэтому расследование этого сюжета стало одной из первоочередных и приоритетных задач в деятельности Комиссии, а не прихотью министра юстиции или председателя ЧСК. Рассуждая об особом отношении Керенского и Муравьева к бывшему императору, А.Я. Аврех утверждал, что «...Муравьев не посмел даже настоять на производстве обыска у царя...»³³. Напротив, факты свидетельствуют о другом.

Следователь В.М. Руднев, которому было поручено дознание по этому вопросу, провел глубокое и беспристрастное расследование в этом направлении. Им были произведены тщательные осмотры помещений членов Императорской фамилии и Царских покоев на предмет существования там прямого телеграфного провода в Берлин. В итоге следователь пришел к выводу: «...никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким, во время войны, установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к

раненым военнопленным-немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого»³⁴.

Также ослабили подозрения в измене Императрицы и показания И.Ф. Манасевича-Мануйлова, который, ссылаясь на Г.Е. Распутина, заявил на допросе, что царица «стоит страшно за продолжение войны и что про нее говорят неправду, что она стоит за мир. Это он мне много раз говорил искренно, потому что была такая обстановка, что он не врал, – я глубоко убежден в этом. На царя, наоборот, он смотрел так, что царь ненадежный и царь скорее может уступить, чем она»³⁵.

В поисках ответа на этот вопрос ЧСК обратилась и к переписке царя и царицы. По свидетельству члена Комиссии А.Ф. Романова, Муравьев через коменданта Царскосельского дворца «намякнул» Николаю II о том, «... чтобы бывший император сам отдал свою переписку, что тот и сделал, самолично рассортировав и разложив ее по конвертам со свойственной ему аккуратностью»³⁶. После исследования переписки стало ясно, что она полностью подтверждает слова «старца» и показания Манасевича-Мануйлова. Теперь стало очевидно, что царь и царица отвергали даже самую возможность постановки вопроса о сепаратном мире. В их переписке находим также и объяснение этому факту: все свои надежды на упрочение власти и преодоление революционного кризиса в стране царская чета полностью связывала с военной победой³⁷.

Такие же выводы сделал на основе материалов допросов секретарь Комиссии А.А. Блок: «Я читал показания С.Д. Сазонова, которые он дал следователю. Царь быстро схватывал вопросы внешней политики. Во внутренней был просто не осведомлен. Он и Александра Федоровна относились отрицательно к Вильгельму (случай свиданий, фразы по этому поводу). Александра Федоровна получила английское воспитание и никаких немецких симпатий не выражала, как и царь <...>. Германофильство выражалось, разве, у Маклакова <...>. Николай II унаследовал не любовь к немцам от Александра III»³⁸.

Даже автор публичного обвинения царицы в измене П.Н. Милюков так и не смог назвать президиуму ЧСК в ходе допроса неопровержимых фактов, которые подкрепляли бы его хлесткую, но малодоказательную думскую речь. «Не знаю, что говорится о ее сношениях, допустим, что они были лично характера, это возможно, но что они были, это, несомненно, – неуверенно и путанно пояснял он на допросе. – Были лица, которые приезжали регулярно, говорилось, что это поездки за лекарствами, вероятно, были личные сношения с родственниками, были предлоги, были случаи протекции, которые оказывались раненым и даже

убитым на счет похорон их, были случаи непосредственного влияния, была общая атмосфера сочувствия Германии <...> Я не делаю вывода, что были политические переговоры, но что вызывало сочувствие, для меня это несомненно»³⁹. В то же время на просьбу председателя комиссии назвать эти случаи и этих лиц Милюков так и не смог ничего конкретного пояснить: «Я знал раньше, но теперь не помню, не могу сказать, если вспомню, скажу»⁴⁰, – невразумительно ответил он.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многочисленные слухи о царской измене и венчающая их публичная речь известного депутата с думской трибуны, хотя на деле и оказались досужими домыслами, однако сыграли роковую роль в дискредитации и десакрализации царской власти, и в конечном итоге – в ее падении.

Примечания

- ¹ См.: Колоницкий Б.И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Он же. К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию Олега Николаевича Знаменского / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 72–86; Он же. Политическая порнография: случай России (1914–1917). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leontief.ru/inc2/articles/237/307/basket/kolonizkii.pdf>.
- ² Кара-Мурза С.Г. Гражданская война 1918–1921 гг. – урок для XXI века. М., 2003. С. 38.
- ³ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ⁴ Александра Федоровна – принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская – она и до войны с Германией не пользовалась пониманием и любовью российских подданных, а с началом Первой мировой войны ее образ стал прочно ассоциироваться с «гессенской мухой» – насекомым-вредителем, уничтожающим посевы злаков. Аллегорический образ насекомого-вредителя не оставлял сомнений во вредительских действиях императрицы по отношению к России.
- ⁵ См.: Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2524. Л. 97а.
- ⁹ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹⁰ Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны. М., 1998. С. 58.
- ¹¹ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 80.
- ¹³ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
- ¹⁴ Речь. 1917. 18/31 марта.

- ¹⁵ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 80.
¹⁶ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 194.
¹⁷ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150.
¹⁸ Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917).
¹⁹ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 151.
²⁰ Там же. С. 152.
²¹ Там же.
²² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1924–1927. Т. 6. С. 344.
²³ Там же.
²⁴ Там же. С. 345.
²⁵ А. Рей – известный архитектор, натурализованный француз, переехавший в Германию и находившийся в дружеских отношениях с Вильгельмом II.
²⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 344–345.
²⁷ Там же. С. 345.
²⁸ В бытность А.П. Извольского министром иностранных дел России к нему обратился германский посол Ф. Пурталес с заявлением о попытке подкупа одного из сотрудников «Нового Времени». При этом указывалась

- довольно солидная цифра (около 800.000 руб.), которая была дана в распоряжение Пурталеса для этой цели. Посредником в этой операции был И.Ф. Манасевич-Мануйлов, который и озвучил это предложение.
²⁹ «Neue Freie Presse».
³⁰ Падение царского режима. Т. 6. С. 346.
³¹ Там же. С. 368.
³² Завадский С.В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 50.
³³ Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 88.
³⁴ Руднев В.М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39, 57.
³⁵ Падение царского режима. Т. 2. С. 54.
³⁶ Романов А.Ф. Император Николай II и Его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж. 1922. Кн. 2. С. 20.
³⁷ См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 347; 1926. Т. 4. С. 50.
³⁸ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 341–342.
³⁹ Падение царского режима. Т. 6. С. 369–370.
⁴⁰ Там же. С. 370.

УДК 94(47).084.5+821.161.1.09+929 [Буденный+Бабель]

БУДЕННЫЙ ПРОТИВ БАБЕЛЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛЕМИКИ (Статья первая)

Ю.В. Парсамов

Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: parsamov@gmail.com

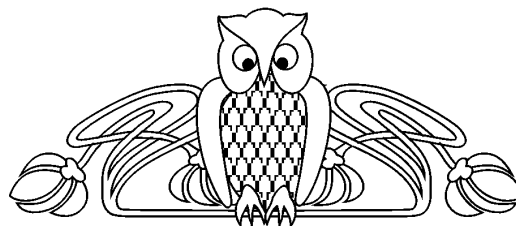
Работа посвящена изучению политического фона статьи С.М. Буденного «Бабизм Бабеля». На основе архивных документов устанавливается, что осенью 1924 г. готовилась крупная политическая кампания, направленная против главного редактора журнала «Красная новь» А.К. Воронского, которая, в свою очередь, должна была стать частью более широкой кампании против члена политбюро Л.Д. Троцкого. Инициатором статьи Буденного, а также ряда других неопубликованных материалов против «Конармии» Бабеля был К.Е. Ворошилов, ближайший сторонник Сталина в борьбе за власть. Помощниками Ворошилова и непосредственными исполнителями в этом деле были военный прокурор С.Н. Орловский и писатель А.И. Тарасов-Родионов.

Ключевые слова: Конармия, Гражданская война, политика, общественная жизнь, журнал.

Budyonny Versus Babel: Political Aspects of Controversy

Yu.V. Parsamov

The paper deals with the political background of S.M. Budenny's essay The Babism of Babel. Based on archival documents it establishes

the fact of major political campaign against A.K. Voronsky, the Chief Editor of the magazine Krasnaya Nov being prepared in the autumn 1924. That campaign was only a part of the wider campaign aimed against L.D. Trotsky, the member of Political Bureau. K. Ye. Voroshilov, the closest Stalin's supporter in his struggle for power, initiated Budenny's essay as well as the number of yet unpublished works against Babel's Red Cavalry. S.N. Orlovsky, a military prosecutor and A.I. Tarasov-Rodionov, a writer were Voroshilov's assistants and actual authors of the article.

Key words: Red Cavalry, Civil war, policy, social life, magazine.

В третьем номере журнала «Октябрь» (сентябрь–октябрь) за 1924 г. в разделе «Наша трибуна» была опубликована статья С.М. Буденного «Бабизм Бабеля из «Красной нови»». Написанная в характерном для журнальной полемики тех лет грубом стиле («большой садист», «дегенерат»), переходящем в политический донос («идеологически чуждый нам <...> гр. Бабель не мог видеть величайших сотрясений классовой борьбы» и т.д.), статья эта имела широкий резонанс и почти сразу же обросла множеством литературных мифов и легенд. Рассказывали, например, что Буденный, встретив Бабеля на каком-то большом